

Архимандрит
Софроний
(Сахаров)

О МОЛИТВЕ

Архимандрит Софроний (Сахаров)

О молитве

Православное издательство "Сатись"

2003

(Сахаров) А.

О молитве / А. (Сахаров) — Православное издательство
"Сатись", 2003

ISBN 5-7868-0064-4

Архимандрит Софроний (Сахаров) – 1896–1993 – выдающийся духовный представитель первой русской эмиграции. Будучи, прежде всего, аскетом, отец Софроний воплотил и развил в своей жизни восточно-христианские аскетические традиции. Он был духовным писателем, основателем многонациональной монашеской общины в Англии, собеседником тысяч приезжавших к нему из разных стран людей.

ISBN 5-7868-0064-4

© (Сахаров) А., 2003
© Православное издательство
"Сатись", 2003

Содержание

Архимандрит Софроний – монах для мира	6
Книга первая	14
Часть первая	14
Молитва – нескончаемое творчество	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Архимандрит Софроний (Сахаров) О молитве

*По благословению
архиепископа Бельгийского и Брюссельского
СИМОНА*

В книге использованы фотографии В. Ходокова и М. Орловского

Архимандрит Софроний – монах для мира

Максим Эггер.

«Господь невыразимо щедр, но Он дает нам Себя в той мере, в какой мы, в нашей свободе, готовы Его принять», – писал отец Софроний. В этом – таинство человеческой личности и Божественного предведения.

Есть люди, с момента своего крещения мучимые жадой Абсолютного. Отец Софроний был одним из них. Он родился в России в 1896 г. С самых юных лет его волновали основные метафизические проблемы. Очень рано он осознал трагичность человеческого существования: она открылась ему в великой русской литературе, но также и в истории – в огне и бессмысленной резне первой мировой войны, в кровавой эсхатологии Октябрьской революции. Офицер инженерных войск, он не был на фронте. Однако дважды его арестовывала ЧК и отправляла на Лубянку. В этот период, когда зашатался весь внешний мир, отец Софроний пережил подлинный внутренний переворот: «памятование о смерти». Не просто *memento mori* аскетической традиции, а головокружительное погружение души в бездны небытия. Переживая свою смерть, он ощутил, как в нем и вместе с ним умирает все, что объемлется его сознанием: человеческий род, мир и даже Бог. Это был незабываемый опыт, из которого о. Софроний вынес два парадоксальных приобретения: глубокое ощущение тщеты существования и открытость «в пустоте» навстречу таинству личности, способному объять тварное и нетварное, навстречу реальности бесконечного Существа. «В пустоте» – потому что в 17 лет однажды утром о. Софронию пришла в голову мысль, что Абсолютное не может быть «личностным», что вечность, заключенная в евангельской любви, – всего лишь сентиментальность и «достойный презрения психологизм».

Тогда, оставив живого Бога своего детства, он обратился к мистицизму нехристианского Востока и занялся медитацией восточного типа, пытаясь освободить свое сознание от всех относительных форм. Смешивая понятия «индивидуум» и «личность», он служил (как он сам выразился позднее) «богу философов, в действительности не существующему».

Одновременно с этим о. Софроний предается своей страсти к живописи, которую изучает в Московском училище изящных искусств. Но большевистская революция помешала его работе. Он принимает решение эмигрировать. После Италии и Германии он в 1922 году приезжает в Париж, где очень скоро ему предоставляется возможность выставить свои работы в прославленных «храмах» современного искусства – в Осеннем Салоне и Салоне Тюильри. Однако живопись, этот поиск скрытого за видимым невидимого, хотя и доставляет о. Софронию «мгновения чистой радости», все же не удовлетворяет его: «Средства, которыми я располагал, были бессильны передать царствующую в природе красоту».

И вот однажды Тот, Кого он покинул, явил ему Себя в поразительном открытии подлинного значения слова Библии: «Я есмь Сущий» (Исх. 3, 14). Каким образом безначальный Бог, Творец и Господь вселенной, может сказать о Себе: «Я есмь»? Поворотный момент в истории человечества, это данное Моисею откровение абсолютного Сущего как личностной ипостаси поистине стало для отца Софрония его путем в Дамаск. «Великое слово “Я!” – пишет он. – Оно означает личность. Действительно живет только личность. Бог – живой, потому что Он ипостасен. Содержание этой жизни – любовь. Бог говорит: “Я”, – и поэтому человек может сказать: “Ты”. В моем “я” и в Его “Ты” заключено все Бытие: и этот мир, и Бог. Вне и за пределами Его нет ничего. Если я пребываю в Нем, тогда я тоже “есмь”, но если я вне Его, я умираю».

«Высший и основной факт Бытия», это ипостасное Начало имеет имя и облик, грозные в своей силе и святости: Иисус Христос. «Без Него я не знаю ни Бога, ни человека», – пишет отец Софроний. Он видит в воплощенном Сыне Отца предвечный Промысл Божий о человеке:

спасение как обожение. «Человек – большее, чем микрокосм: он микротеос». В силу того, что Творец, приняв облик раба, во всем уподобился человеку, человек имеет возможность стать во всем подобным Богу. Для отца Софрония святость – явление не этического, но онтологического порядка: «Святой – не тот, кто достиг высшей ступени в области человеческой нравственности, в аскетической жизни или даже в молитве (фарисеи тоже постились и произносили “долгие” молитвы), но тот, кто носит в себе Святого Духа».

Самооткровение Бога, эта бесконечная радость, оказывается для отца Софрония также источником «страдания, которому предстояло стать лейтмотивом всей его жизни в Боге». Ибо, открывая Себя таким, каков Он есть, Бог дает ему увидеть и себя таким, каков он есть, вплоть до самых интимных глубин его существа. Просвещая его душу, Святой Дух заставляет его узреть всю глубину его греха и внутреннего мрака. Греха не как преступления некоей этической нормы, но как незнания истинного Бога, как отказа от Отчей любви, «отрыва от онтологического источника нашего бытия». С ужасом обнаружив в себе собственный «внутренний труп», отец Софроний нисходит в «ад покаяния». Для него это дар небес «более великий, чем лицезрение ангелов», который он считает своим третьим рождением, после рождения по плоти и рождения в Духе. Возмущение, стыд, отчаяние, ненависть к себе – все эти до крайности обостренные чувства обрушились на него. Подобно Петру после отречения, он проливает горячие слезы. Однако это метафизическое страдание, худшее, чем самая сильная физическая боль, не уничтожило его. Оно полностью переродило его тварную природу, пробудив в нем «иное зрение, иной слух, энергию новой жизни». Из Огня, пожигающего страсти и очищающего, начинается восхождение к просвещающему Свету. Отец Софроний получил благодать этого прорыва в 1924 году. В день Великой Субботы, сразу после причастия, Бог посетил его и дал узреть нетварный Свет Своего Царства. «Я ощутил его как прикосновение божественной Вечности к моему духу. Сладостный, полный мира и любви, он оставался со мной в течение трех дней. Он рассеял вставший передо мной мрак небытия. Я воскрес, и во мне и вместе со мной воскрес целый мир. Единственное настоящее рабство – это рабство греху. Единственная настоящая свобода – это воскресение в Боге».

Этот непрестанно углублявшийся опыт нетварного Света в соединении с практическим знанием восточно-христианской мистики дал отцу Софронию ясное видение разных способов созерцания – божественного, человеческого и бесовского. Способность к их различению привела к тому, что с того момента, как он обосновался на Западе, о. Софроний стал желанным собеседником многих людей, находящихся в духовном поиске. Никто лучше него не мог показать иллюзии и опасности, таящиеся в некоторых формах гнозиса и естественной мистики, основанной на методах психической техники: смешение нетварного Света (идущего от Бога) с тварным светом ума (который – не более чем отражение первого); самообожение на пути отождествления сущности человека с сущностью Бога; внутренняя успокоенность, зачастую представляющая собой просто разновидность «квиезма»; несовместимость медитации (расслабления) и молитвы (крайнего напряжения); растворение человеческой личности в «неизменном океане сверхличностного Абсолюта». Для отца Софрония «видение нетварного Света неразрывно связано с верой в божественность Христа». Оно вытекает из этой веры и подтверждает ее. Многих генонистов,¹ буддистов и других гностиков Христос обратил через посредничество отца Софрония.

Очевидно, Пасха 1924 года ознаменовала поворотный пункт на жизненном пути отца Софрония. По его собственному выражению, Святой Дух «наполнил его сердце вдохновением, более его не покидавшим». Святой Дух дал ему «безумную отвагу», необходимую для того, чтобы быть христианином. Началась новая жизнь. Отец Софроний беззаветно отдается

¹ Имеются в виду последователи французского философа Р. Генона, принявшего ислам и создавшего мистико-гностическое учение об эзотерических, сакральных основах бытия.

молитве, видя в ней «живую встречу тварной человеческой личности с Личностью Божественной». Он чувствует, что стоит перед решающим выбором: либо усыновление Богом Отцом, либо мрак небытия. «Среднего пути нет», – полагает отец Софроний. В сердце его разгорается жестокая борьба между любовью ко Христу и страстью к искусству, «владеющей им как рабом». После нескольких месяцев внутренних метаний он, подобно Аврааму, решается принести в жертву самое дорогое, что у него есть: он оставляет живопись.

* * *

Желая посвятить свою жизнь Богу, отец Софроний поступает в только что открывшийся в Париже институт св. Сергия. Но учебная программа не удовлетворяет его. Он находит, что на занятиях говорят не столько о самом Боге, сколько, так сказать, вокруг да около. До конца жизни отец Софроний сохранил критическое отношение к академическому богословию. По его мнению, богословская наука полезна и необходима для Церкви на ее исторических путях, но отнюдь не для личного спасения и истинного богопознания. Он объясняет свою точку зрения так: «Она (богословская наука) дает лишь интеллектуальное знание, но не ведет к действительному восхождению в сферу Божественного Бытия». Для отца Софрония, верного ученика св. Силуана, «христианство» – не доктрина, а жизнь; богословие – не упражнение интеллекта, а «состояние существа, вдохновленного божественной благодатью»; познание – не отвлеченное знание, а «обретенный в существовании опыт общения с Богом». Таким образом, утверждается примат экзистенциального опыта, не исключающий, однако, сущностной необходимости твердого догматического сознания. Как пишет отец Софроний, «условием праведной жизни являются правильные понятия о Христе и Святой Троице. И наоборот: малейшее отклонение от истины в нашей внутренней жизни извращает догматическую перспективу».

В 1925 г. отец Софроний отправляется на Афон и становится монахом русского монастыря св. Пантелеймона. Для него монашество, по выражению Федора Студита, которого он любил цитировать, – «третья благодать». Это небесная жизнь на земле, духовное сердце Церкви. Очень скоро отец Софроний получает благодать непрерывной молитвы – «дар Божий, связанный с другим даром – покаянием». Исполненный молитвой и преображенный ею, он сам становится молитвой – молитвой ходатайства. Для него монах – это икона Богородицы; тот, кто молится за весь мир; тот, кто обрел царственное и пророческое священство Мелхиседека – универсальное, доступное всем христианам, превышающее в духовном отношении иерархическое священство по чину Ааронову.

На Афоне отец Софроний пережил также утрату благодати. Человек, отмеченный «законом греха», не в состоянии «сохранить дар Божественной любви» в его полноте. Рано или поздно он становится жертвой своих страстей и чувствует, что осязаемое присутствие Святого

Духа оставляет его. Ибо достаточно самой малости – проскользнувшего движения гордости, усладительного обращения сознания на самого себя, – чтобы сердце закрылось и ум подернулся мраком. Падение иногда настолько сильно, что человека охватывает уныние – духовная болезнь, которую отец Софроний определяет как «отсутствие заботы о спасении». В соответствии с обретенной ранее благодатью, богооставленность может переживаться как настоящий ад. Тоска, печаль, боль, близки к тому, что познал Христос в Гефсиманском саду и на Голгофе. Чтобы вновь обрести благодать, то есть преобразить наше существо, очистив его от страстей, нужна аскеза, внутренняя брань. «Процесс тотального кенозиса», выражающий наше желание следовать Христу, уподобиться Ему более совершенным образом. «Любовь Христова – блаженство, с которым не сравнится ничто в мире, – пишет отец Софроний. – Но в то же время любить Христовой любовью означает испить Его чашу. Любовь к Богу кенотична. Он заповедал нам любить Его вплоть до ненависти к себе».

Безвозмездный дар благодати, богооставленность и – вновь обретение благодати. Для отца Софрония духовная жизнь всегда содержит в себе это тройное движение. Сам он стремился жить одновременно «и мрак смерти, и надежду на спасающего нас Бога». Это колебание между адом и светом, это парадоксальное состояние, когда душа то возносится к небу, то срывается в сумрачные долины ада, отмечает весь долгий путь «хождения по мукам» отца Софрония и станет одним из ключей к его духовному опыту.

Однако извлечь пользу из этого жгучего опыта отец

Софроний сумел не ранее того момента, когда в 1930 г. произошло важнейшее событие его жизни: встреча с блаженным старцем Силуаном. О. Софроний, утонченный и страстно увлеченный метафизикой интеллектуал, сразу же склонился перед этим простым и почти необразованным человеком, крестьянином по происхождению. Старец Силуан, достигший высочайшей степени любви к врагам и вплотную приблизившийся к бесстрастию, познал самые крайние духовные состояния: безнадежность своего грядущего вечного осуждения, за которым последовало потрясающее явление Христа в ослепительном Свете. В 1903 г., когда Эйнштейн возвестил научную революцию XX столетия созданием своей теории относительности, святой человек услышал от Христа слово спасения, обращенное к нашему времени: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся».

Для отца Софрония этот призыв к постоянному самоосуждению – наиболее совершенное выражение пути кенозиса Христова, самая прямая и надежная дорога к совершенству. Именно через уничтожение самих себя, как недостойных Бога, через самоосуждение на вечные муки ада мы сумеем уничтожить в себе всякую страсть, сделать свое сердце смиренным и свободным для приятия божественной любви. Ибо, как говорит отец Софроний, в соответствии с учением старца Силуана, «одно дело – аскетическое смирение, и другое – смирение Христово». Первое, относительное смирение состоит в том, чтобы считать себя «худшими из всех»; оно есть плод жестокой борьбы с помыслами. Второе, абсолютное смирение – это «признак Божественной Любви, дающей без меры»; оно есть действие в нас Святого

Духа, когда мы живем всего Адама, все человечество, как самих себя.

<subtitle>* * *</subtitle>

Старец Силуан почил в Господе 24 сентября 1938 года. Следующей весной о. Софроний отправляется в одну из пещер Карулии, в самое сердце афонской «пустыни», чтобы начать отшельническую жизнь. Цель о. Софрония состояла в том, чтобы подвергнуть испытанию верность своей любви к Отцу, углубить познание божественных реальностей, даже более того: чтобы довести покаяние и истощание до предела. Там, в уединении, он познал мгновения чистой молитвы. Лицом к лицу с Богом. Без отвлекающих образов и помыслов. В совершенном единении ума и даже тела – с сердцем. Он познал духовное погружение в беспредельную, светоносную и безымянную бесконечность божественной вечности, лежащей по ту сторону границ пространства и времени. Но – очередной парадокс! – в то самое мгновение, когда он «ощущал присутствие Живого Бога вплоть до забвения мира», молитва расширяла его сердце и сознание до пределов космоса. Он слышит эхо войны даже в глубине пещеры. По ночам крики страждущего человечества пронзают ему сердце. Как и старец Силуан, он молится за весь мир, за всего Адама, с теми же слезами, с какими молится за себя. В этом слезном даре Божиим он видит отсвет молитвы Христовой в Гефсиманском саду, когда «душа Его скорбела смертельно» и «был пот Его, как капли крови, падающие на землю» (Мф. 26, 38; Лк. 22, 44). Теперь отец Софроний осознает глубинный смысл слов Христа: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Эта заповедь, полагает он, не столько указывает на меру должной любви, сколько раскрывает онтологическую общность человеческого рода, разрушенную грехом и подлежащую восстановлению любовью и в любви. Любить Христовой любовью – значит включить в свое

личное существование жизнь всего человечества; это значит взять на себя все зло мира как свое собственное зло.

«Молиться за людей – значит свою кровь проливать», – говорил св. Силуан. Но такая молитва совершается не сама собой. Будучи даром Святого Духа, она требует совершенного покаяния. Эта молитва, сущностно необходимая ввиду своей спасительной силы, в то же время поражена бессилием. Ибо, как говорит отец Софроний, «ничто и никто не может лишить человека свободы поддаться злу, предпочесть мрак свету. Люди сами создают свой ад». И наихудший ад, наитягчайший грех – это война. Что может христианин против этого проклятия? Сегодня, когда от Ирландии до Кавказа через земли бывшей Югославии и Ближнего Востока фанатизм всех видов – религиозный, националистический, этнический – заливают кровью издревле христианскую землю, более чем когда-либо надлежит помнить о двойном провозвестии св. Силуана и отца Софрония. Во-первых, о провозвестии универсальности воплощенного Слова Божиего: «Я не знаю греческого, русского, английского или арабского Христа, – говорит отец Софроний. – Христос для меня – это все. В тот самый момент, когда мы ограничиваем Личность Христа, низводя его, например, до уровня национальности, мы теряем все и погружаемся во тьму». Во-вторых, надлежит помнить о заповеди любви к врагам. Для отца Софрония она представляет собой не больше и не меньше чем краеугольный камень Евангелия. Единственное средство против всех зол. Последний непреходящий критерий истинной веры, подлинного общения с Богом, истины в Церкви. Кто имеет силу любить врагов, тот знает Христа в духе и истине. Кто же, напротив, не имеет такой силы, тот все еще остается пленником смерти, тот еще не «православный», то есть еще не знает «Бога таким, каков Он есть».

В чем конкретно узнается любовь к врагам? В том, что человек предпочитает быть убитым, нежели убивать, – отвечает отец Софроний. «Следует не убивать наших врагов, а побеждать их любовью. Памятовать о том, что абсолютного зла не существует, абсолютно только безначальное Добро. Заповедь не противиться злему (Мф. 5, 39) – самая действенная форма борьбы со злом». Борьба с помощью силы означает заменять одно насилие другим, поддерживать динамику зла. Победа, одержанная с помощью силы, – это всегда позор для человечества. Естественно, что она не может длиться вечно. Победа же мучеников и святых – истинная слава. Она остается на веки вечные. Доказательством служит новейшая история России, за которую отец Софроний неустанно молился и в которой выделял явно парадоксальную особенность: страдания, преступления и бесконечные драмы на земле – и обилие святых на небе и в Церкви. «В Боге нет трагедии, – говорил он. – Трагедия существует только для человека, чей взгляд не простирается за пределы земли. Христос пережил трагедию всего человечества, но в Нем самом не было никакого следа трагедии». Только безмерный миг...

<subtittle>* * *</subtittle>

В 1941 году отец Софроний был рукоположен во священники в монастыре Св. Павла. Годом позже он был возведен в достоинство духовного отца. С тех пор он стал духовником-исповедником нескольких монастырей. Это было началом его духовного отцовства, которое непрестанно расширялось и после его приезда в Западную Европу. Ирония судьбы и усмешка Провидения: отец Софроний, будучи некогда офицером инженерных войск и занимаясь маскировкой, делал видимое невидимым; теперь же ему предстояло трудиться по превращению невидимого в видимое для множества его учеников. Да, отец Софроний был настоящим старцем: духовным отцом во Христе, заботящимся о преображении истории и мира в Свете Логоса; молчальником, через которого говорит Логос, человеком, рождающим нас для самих себя и для жизни во Христе своим вдохновенным словом; проповедником, подобным псалмопевцу, способным на равных говорить со всеми и с каждым – от ребенка до самого утонченного философа, не забывая и самого простого труженика; молитвенником, каждую свою

мысль отдающим Богу и получившим от Него ответы на тысячу вопросов своих посетителей; духоносцем, умеющим читать в сердцах людей, разделять их радости и горести и открывать их навстречу действию благодати. Беседа с о. Софронием заставляла чувствовать непреодолимое влечение к переходу от психологического состояния к духовному, от банальных мелочей и неурядиц повседневной жизни – к «единому на потребу», от своего маленького «я» – к космическому масштабу всецелого Адама, от логики мира – к «обратной перспективе» Евангелия.

К концу 1943 года, по предварительной просьбе монахов монастыря Св. Павла, о. Софроний покинул Карулию и перебрался в другую уединенную пещеру – при Троицком монастыре, недалеко от Нового Скита. Условия жизни здесь были очень трудными. Эту пещеру, совершенно изолированную, хотя при ней и была маленькая часовня, часто и сильно затопляло водой. Здоровье о. Софрония было подорвано, и спустя два года он был вынужден уйти отсюда. Некоторое время он провел в скиту Св. Андрея при Ватопедском монастыре. Именно тогда он почувствовал внутреннюю потребность передать миру духовный опыт старца Силуана. Больной и потревоженный в своем духовном делании господствовавшей в то время на Афоне антиславянской атмосферой, о. Софроний покинул Святую гору и приехал во Францию в феврале 1947 года. Годом позже в Париже он опубликовал писания старца Силуана. О. Софроний сопровождал их глубоким анализом его жизни и учения, ибо, услышанные Свыше, слова Силуана столь просты, столь бесхитростны, что их богословская глубина и отраженное в них духовное совершенство могли ускользнуть и от самых выдающихся умов эпохи. Переведенный на множество языков труд о. Софрония «Старец Силуан» стал классикой православной аскетической литературы. Для о. Эмилианоса, игумена афонского монастыря Симона Петра, писания старца Силуана даже стали «новым Добротолюбием».

Интуиция о. Софрония и его свидетельство принесли свои плоды. В 1988 году старец Силуан был канонизирован Константинопольским патриархатом. Мучимый тяжелой болезнью, не совсем поправившийся после серьезной операции, перенесенной в 1951 году, о. Софроний так и не смог вернуться на Святую гору, где к тому же ситуация для монахов славянского происхождения резко ухудшилась под влиянием холодной войны. И в итоге о. Софроний остался в той «России в миниатюре», какой был городок Сен-Женевьевде-Буа близ Парижа. Здесь вокруг о. Софрония стали собираться люди самого различного происхождения, привлеченные исходящим от него духовным излучением. В 1959 году, после безуспешных попыток найти во Франции более подходящее место для развития общинной жизни, отец Софроний переезжает в Англию с небольшой группой учеников. Они обосновались в деревне Tolleshunt Knights (Эссекс), в бывшем доме священника, некогда приютившем знаменитого кинематографиста Альфреда Хичкока. Так родился монастырь св. Иоанна Крестителя. Он был назван по имени первой часовни, украшенной иконами, написанными отцом Григорием Кругом.

* * *

Таков жизненный путь отца Софрония: сперва монах общежительного монастыря, потом отшельник, и наконец – старец в сердце мира. В Великобритании все его усилия были направлены на создание «духовной семьи», соединенной любовью и поиском «единого на потребу». Открывая свой монастырь, отец Софроний не мог не думать о мистическом духе св. Сергия и еще более о св. Ниле Сорском. Подобно последнему, отец Софроний придает большое значение интеллектуальной деятельности, невзирая на свое недоверие к академическому богословию. Опять-таки, подобно Нилу Сорскому, он ставит уважение к неповторимости личности выше устава. Единство монашеской общины создается не типиконом, а усилием воли и вполне осознанным стремлением к жизни в Духе. Сущность и смысл поста заключается не во внешних предписаниях относительно приема пищи, а во внутренней борьбе с помыслами и сосредоточении ума на жизни Троицы. Аскеза не самоцель, – повторял отец Софроний, – но средство

освобождения от греха, очищения сердца, получения Благодати, согласования нашей воли с волей Божией, «стяжания любви, заповеданной нам Христом». Величайшая опасность правил в монашеской жизни, как и в других областях, состоит в том, что они побуждают личность приспосабливаться к правилу как к своей собственной мере. В конечном счете это вырабатывает в ней «сознание в Дарданеллах» – слишком узкое и тесное, чтобы постичь «сверхкосмическое величие Христа». В действительности единственное имеющее ценность «правило» – это сам Христос; но стать в строгом смысле соразмерным Ему невозможно. Перед Его лицом наше покаяние на земле бесконечно.

По этим причинам монастырь св. Иоанна Крестителя не имеет устава, но только распорядок дня. День определяется тремя основными периодами: временем трапез, временем работы, но прежде всего, временем молитвы: литургии и призывания Имени. Для отца Софрония литургия была не просто «актом благоговейной веры, но созерцанием Богочеловека в действии, Пасхи Господней, постоянно присутствующей среди нас». Он говорил: «Если спасение во Христе единственная цель нашей жизни, то все, что мы делаем, может стать актом молитвы. Наша повседневная жизнь должна быть непрерывной литургией».

Духовным основанием монастыря св. Иоанна Крестителя несомненно является учение Св. Силуана. Здесь нет поисков особых мистических состояний, возвышенных созерцаний, но только простая, евхаристическая, евангельская жизнь. Жизнь в следовании за Христом, «куда бы Он ни пошел» (Откр. 14, 4). Если ясна цель – спасение, обожение, – то не менее ясен и способ ее достижения: принятие заповедей Христовых в качестве единственного и неизменного закона бытия. Для отца Софрония, убежденного паламита, заповеди представляют собой не этические нормы, а божественные энергии. Отсвет жизни вечной на земле. «Пребывая в этих заповедях, мы делаемся внутренне подобными Христу, – говорил он. – Его жизнь становится нашей жизнью, Его сознание – нашим сознанием, Его мысль – нашей мыслью».

Заповеди Христовы, открывающие на земле врата небес, отец Софроний сосредоточивает в одной единственной формуле – литургической формуле, которую не устает повторять: «Старайтесь прожить день без греха». Без греха – значит свято. Не задевая других, а стремясь послужить им и принять на себя их оплошности. В напряженном до предела сознании постоянного невидимого присутствия Бога здесь и теперь: «Следите, чтобы в вашей жизни не было ничего безличного. Старайтесь жить так, как если бы вы должны были дать отчет о каждом движении вашего сердца и ума пред всем человечеством.

Пусть дух ваш денно и нощно пребывает там, где Христос». Такая внутренняя позиция предполагает непрестанную борьбу со страстями и их космическими энергиями – помыслами. Именно в этой культуре духа, поистине «науке наук», которую не удостоверяют дипломами – кроме как свыше – жил о. Софроний, и именно к ней призывал он своих духовных детей.

Стараться жить без греха, принимать на себя слабости других. Эта простая и глубокая программа в то же время была для отца Софрония путем к единству христиан. «Пусть каждый на том месте, где поставил его Бог, трудится ради стяжания Святого Духа, а Бог доделает остальное». По многим причинам о. Софроний относился с недоверием к институциональному экуменизму. Он жил, в доброжелательности и милосердии, экуменизмом сердца. Доказательство тому – почти тысяча гостей, принимаемых в монастыре ежегодно, заметную часть которых составляют неправославные. Иконопись, забота о совершении литургии на местных языках, введение в богослужение Иисусовой молитвы, важная переводческая работа учеников, дружеские встречи и диалог с христианами других конфессий – все это делает отца Софрония, если использовать выражение Оливье Клемана, настоящим «проводником» между христианским Востоком и христианским Западом, одним из великих свидетелей универсальности Православия в нашем столетии.

Пережив трудное начало, в равнодушном и в то же время подозрительном окружении, монастырь Св. Иоанна Крестителя постепенно рос и сегодня насчитывает около 25 монахов

и монахинь двенадцати различных национальностей. С 1965 г. он находится в юрисдикции Константинопольского патриархата и является ставро-пигиальным. Преобразив свой прежний дар живописца, отец Софроний открывает мастерскую иконописи. Вместе со своими монахами он украшает фресками трапезную и новый храм, посвященный Св. Силуану. Он также берется за перо и пишет книги и статьи.

Монах, отшельник, священник, исповедник, духовный отец, основатель монастыря, иконописец, создатель литургических текстов, писатель, автор множества писем, миссионер – харизмы отца Софрония неисчислимы. Его личность была не только многогранной, но и глубоко парадоксальной. Паламит в своем отношении к нетварному Свету и заповедям Христовым, воспитанник долгой русской традиции кенотичного Христа, отец Софроний целиком погружен в Предание Церкви. Но в то же время это Предание никогда не было для него синонимом консерватизма. Для о. Софрония традиция означает личное усвоение прошлого и творчество в Духе.

О. Софроний, говоря его словами, вошел «в покой и Свет Вечности» 11 июля 1993 года. Ему было почти 97 лет.

* * *

«Как возможно соединить дух, подобие Абсолюта, с землей?» – часто спрашивал он. Всю свою жизнь он старался постичь тайну человека, чистого и свободного духа – в теле, подверженном действию космических сил. Ее постижение он являл всей своей жизнью, всей своей целостной личностью и до самого конца. Все, кому довелось видеть о. Софрония перед его кончиной, бывали изумлены контрастом: его тело было таким слабым, что уже отказывалось служить ему, но его дух и интеллект поражали пламенной интенсивностью. Как сказал человек, близкий к о. Софронию: «Пламя духа потребило в нем все материальные вещества дотла».

Максим Эггер

Книга первая О молитве

Часть первая О молитве

Молитва – нескончаемое творчество

Молитва есть бесконечное творчество, высшее всякого иного искусства или науки. Чрез молитву входим мы в общение с Безначальным Бытием. Или иначе: жизнь Самосущего Бога входит в нас по этому каналу. Молитва есть акт наивысшей мудрости, всепревосходящей красоты и достоинства. В молитве – святое упоение нашего духа. Но пути сего творчества сложны. Тысячи раз переживем мы и пламенное устремление к Богу, и повторяющиеся отпадения от Света Его. Часто и многообразно ощутим мы неспособность нашего ума подняться к Нему; иногда будем стоять на грани как бы безумия и с болезнью в сердце высказывать Ему наше бедственное состояние: «Ты дал мне заповедь Твою – любить, и я принимаю ее всем моим существом; но вот, во мне самом не обретаю силы этой любви... Ты есть Любовь; прииди же Ты Сам и вселись в меня, и совершай во мне все то, что Ты заповедал нам, ибо заповедь Твоя неизмеримо превышает меня... Изнемогает мой ум постигать Тебя. Не может мой дух проникнуть в тайны жизни Твоей... хочу во всем творить волю Твою, но дни мои истекают в безвыходных противоречиях... Страшусь потерять Тебя за те злые мысли, что в сердце моем; и страх этот распинаят меня... Прииди же и спаси меня утопающего, как спас Ты Петра, дерзнувшего пойти к Тебе навстречу по морским водам (ср.: Мф. 14, 28–31).

По временам нам кажется, что действие молитвы слишком медленно: несоразмерно краткости нашего существования; и крик вырывается из груди: «Поторопись!» Он не всегда сразу откликается на наш призыв. Как некий плод на дереве, Он оставляет душу нашу быть опаленною солнцем, вынести удары холодных и жгучих ветров, томиться жаждой или выносить потоки дождей. Но если мы не выпустим из рук наших край Его ризы, то увидим благой результат.

Нам необходимо пребывать в молитве возможно большее время, чтобы Его непобедимая сила проникла в нас и сделала бы нас способными противостоять всем разрушительным влияниям. И когда возрастет в нас сила сия, тогда радость надежды на окончательную победу воссияет в нас.

* * *

Молитва непременно восстановит в нас то Божественное дыхание, которое «вдунул Бог в лице Адама» и в силу которого «Адам стал душою живою» (Быт. 2, 7). Молитвою возрожденный дух наш начинает удивляться великой тайне Бытия. И особый восторг могучим потоком заливает наш ум: «Бытие! Какая чудная тайна... Как оно возможно?... Дивен Бог, и творение Его дивно». Переживем мы смысл слов Христа: «Я пришел для того, чтоб (люди) имели жизнь и имели с избытком» (Ин. 10, 10). Избыток! И это воистину так.

Но снова и снова о том же: жизнь сия парадоксальна, как парадоксально все учение Господа: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся» (Лк.

12, 49). Всем нам, сынам Адама, необходимо пройти чрез сие небесное пламя,жигающее корни смертоносных страстей. Иначе не увидим мы сей Огонь преложившимся в Свет новой жизни, потому что в нашем падении горение предваряет просвещение, и не наоборот. Итак, благословим Господа и за опаляющее действие Его любви.

Мы многого еще не знаем, и все же хоть и отчасти (1 Кор. 13, 9), но ныне и нам ведомо, что для нас нет иного пути для того, чтобы стать «сынами воскресения» (Лк. 20, 36), сынами Божиими, чтобы соцарствовать с Единородным. Как бы ни был болезнен процесс нашего воссоздания, чрез какие бы то ни было терзания и подчас агонии проводил нас Бог, – все в конце станет благословенным. Если приобретение научной эрудиции требует долголетнего, напряженного труда, то стяжание молитвы еще и несравненно большего.

* * *

Когда Евангелие и Послания становятся нашей повседневной реальностью, тогда мы начинаем ясно видеть, насколько наивными были наши прежние представления о Боге и жизни в Нем. Таинственна Премудрость данного нам Откровения: оно далеко превосходит человеческое воображение. «...Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9). Даже малейшее прикосновение к нам Божественного Духа является славою, не сравнимую с содержанием жизни без Бога.

Подлинная молитва, единящая нас с Всевышним, есть не что иное, как свет и сила, сходящие на нас с небес. Она по сущности своей трансцендирует наш план. В этом мире нет источника энергии для нее. Если я хорошо питаюсь, чтобы тело мое было сильным, то плоть моя бунтует, и требования ее растут: ей не до молитвы. Если я смиряю плоть чрезмерным постом, то на некоторое время в болезненном воздержании создается благоприятная почва для молитвы, но затем тело изнемогает и отказывается следовать за духом. Если я общаюсь с хорошими людьми, то, случается, испытываю душевное удовлетворение, иногда же получаю новый психический или интеллектуальный опыт, но весьма редко импульс для глубокой молитвы. Если я одарен умственно для серьезной научной работы или для художественного творчества, то мой успех явится поводом к тщеславию, и становится невозможным найти глубокое сердце – место духовной молитвы. Если я богат материально и занят тем, чтобы использовать связанную с богатством власть, или возможность воплотить некоторые из моих идей, или удовлетворить моим эстетическим или душевным пожеланиям, то душа моя не восходит к Богу, как мы Его познали чрез Христа. Если я ухожу в пустыню, отрекшись от моих имений, то и тогда сопротивление всех космических энергий парализует мою молитву. И так без конца.

* * *

Истинная молитва к Богу истинному есть общение с Духом Божиим, Который молится за нас; Он дает нам знать Бога; Он возводит дух наш в состояние созерцания вечности. Как сходящая Свыше благодать, молитвенный акт превышает наше земное естество, в силу чего ему противится тленное тело, неспособное к восходу в сферу духа; противится интеллект, бессильный вместить беспредельность, колеблемый сомнениями, отталкивающийся от всего, что превосходит его разумение. Молитве сопротивляется социальная среда, в которой мы живем, которая организует свою жизнь и иными целями, диаметрально противоположными молитве. Молитву не терпят неприязненные духи. Но только она, молитва, возрождает тварный мир из его падения, преодолевая его косность и инерцию великим напряжением духа нашего в следовании заветам Христа.

* * *

Труден подвиг за молитву; меняются состояния нашего духа: иногда молитва течет в нас, как могучая река, иногда же сердце становится иссохшим. Но пусть всякое снижение молитвенной силы будет возможно кратким. Молиться – нередко значит высказать Богу наше бедственное положение: бессилие, уныние, сомнения, страхи, тоску, отчаяние – словом, все, что связано с условиями нашего существования. Высказать, не изыскивая изящных выражений и даже логической последовательности... Часто сей способ обращения к Богу явится началом молитвы-беседы.

* * *

Иногда мы будем в волнах Божией любви, которую по наивности поймем односторонне, как нашу любовь к Нему. Со мной так бывало: я не дерзал думать, что беспредельно великий Творец всего может Своим вниманием остановиться на мне, ничтожном и гадком. И я говорил: «О, если бы было возможно, чтобы Ты любил меня так – как я люблю Тебя... Видишь ли Ты, как сердце мое жаждет Тебя день и ночь? Склонись ко мне; яви мне Твое Лицо; сделай меня таким, каким Ты хочешь видеть созданных Тобою; таким, какого Ты, Всесвятой, сможешь принять и любить...» Я не знал, что говорю (Лк. 9, 33); я не смел подумать, что это Он Сам молится во мне.

* * *

Созерцать святость и смирение Бога – поражает душу, и она с великим благоговением внутренне поклоняется Ему в любви. Такая молитва переходит иногда в видение несозданного Света.

Чтобы мы познавали исходящие от Бога дары, Он, после посещения, оставляет нас на время. Странное впечатление производит богооставленность. В молодости я был живописцем (боюсь, что и до сих пор он не совсем умер во мне). Этот естественный дар пребывал внутри меня. Я мог утомляться, не иметь сил на работу, не быть вдохновенным; но я знал, что дар сей есть моя натура. Когда же Бог покидает, тогда ощущается некий провал в самом бытии; и не знает душа – возвратится ли когда-нибудь Ушедший. Он – иной по природе Своей; Он скрылся, и я остался пуст; и пустоту эту страшную переживаю как смерть. С Его приходом мне было явлено нечто прекрасное, милое сердцу, превосходящее мое самое дерзновенное воображение. И вот, я снова в том состоянии, которое раньше казалось мне нормальным, удовлетворительным, а теперь оно ужасает меня: представляется слишком животным-скотоподобным... Я был введен в дом великого Царя; я знал, что я родственник Ему, но вот опять я не больше, чем бездомный скиталец.

Чрез смену состояний познаем мы различие природных даров от тех, что нисходят как благоволение Свыше. Чрез покаянную молитву я удостоился первого посещения, чрез молитву же, но более горячую, я надеюсь вернуть Его. И действительно: Он приходит. Часто, и даже обычно, Он меняет образ Своего прихода. Так я непрестанно обогащаюсь познаниями в плане Духа: то в страдании, то в радости, но я расту. Увеличивается моя способность пребывать в прежде неведомой сфере более длительные сроки.

Стань твердо умом в Боге, и придет момент, когда бессмертный Дух прикоснется к сердцу. О, это прикосновение Святого святых. Его нельзя сравнивать ни с чем: оно восхищает наш дух в область нетварного Бытия; уязвляет сердце любовью, непохожею на то, что обычно

мыслят люди под этим словом. Свет ее, любви сей, изливается на всю тварь, на весь мир людской в его тысячелетнем явлении. Любовь сия ощутима физическим сердцем, но по роду своему она духовная, нетварная, как исходящая от Бога.

* * *

Животворящий Дух Божий посещает нас, когда мы пребываем в состоянии смиренной открытости для Него. Он не насилует нашей свободы; Он окружает нас Своей нежной теплотой; Он приближается к нам так тихо, что мы можем и не заметить Его сразу. Не должно ждать, чтобы Бог ворвался внутрь нас силою, без нашего согласия. О, нет: Он уважает человека, смиряется пред Ним: Его любовь смиренная; Он любит нас не свысока, а как нежная мать своего больного младенца. Когда мы открываем для Него наше сердце, то непреодолимо сильно чувствуем, что Он нам «родной», и душа преклоняется пред Ним в умиленной любви.

* * *

Божественная любовь, которая есть глубинный характер живой вечности, в этом мире не может не страдать. Смягченному подвигом и посещением благодати сердцу бывает дано жить, пусть отчасти, любовь Христову, объемлющую всю тварь в бесконечном сострадании всему сущему. Ныне – я пленник Христа Бога. Я познал себя вызванным из ничтожества; по природе своей человек – ничтожество. Но, несмотря на сие, мы ждем от Бога сострадания и уважения. И вдруг, Всемогущий открывается нам в своем неопишемом смирении. Это видение умиляет душу, поражает ум, и мы невольно склоняемся пред Ним. И сколько бы мы ни стремились уподобиться Ему в смирении, мы видим себя бессильными достигнуть Его абсолютности.

* * *

Смирение Христово – всепобедительная сила. В своем истощении и служении нам оно не знает унижения: оно неизменно пребывает божественно-величественным в своем существе. Выражаемое в словах наших – оно представится противоречивым. Смирение есть атрибут Божественной Любви, которая в своей открытости для твари кротко принимает все раны от созданных Им.

* * *

Видение Бога ставит человека пред необходимостью внутреннего самоопределения по отношению к Нему. В существе своем всякое наше действие непременно или приближает нас к Богу, или, наоборот, удаляет. Отсюда всякое начинание совершается в страхе, именуемом Божиим. Бойся душа не только явно недоброго дела, но и мысли, могущей опечалить Духа Святого, Которого она возлюбила. Невыразимо велика дистанция между нами и Богом. Мы видим себя недостойными Святого святых; сердце сокрушается от томительного сознания себя нищим. Не сразу понимаем мы, что именно это явление есть уже начало приближения к Богу. Первая заповедь блаженств – «Блаженны нищие духом» – как бы органически приводит к последующим степеням: к плачу, кротости, алканию и жажде правды, к милосердию, чистоте сердца, к первым живым восприятиям нашего богосыновства; что приводит нас к горестному конфликту с миром страстей, к разрыву с нищим Царством правды; к гонениям, поношениям, злословиям и прочему. Когда противостояние христианского духа духу мира сего достигает своего апогея, тогда жизнь последователя Христа подобна распятию, пусть на невидимом

кресте. Это время весьма страшное и вместе спасительное: чрез внутренние, нередко связанные и с внешними обстоятельствами, страдания нашего духа побеждаются страсти, преодолевается и власть мира над нами, и даже смерть – наступает уподобление распятому Христу.

* * *

Однако и на сей высшей ступени должно сохраниться смирение духа. Самый опыт покажет, что как только на смену ощущению «нищеты» приходит удовлетворение собою, так вся скала духовных восхождений рушится и дом наш опустошается (ср.: Мф. 23, 38): Бог уже не с нами. Так – доколе не смирится снова сердце и не воззовет к Нему с болью. Из этих смен переживаний душа постигает тайну путей спасения; страшится она всего, что противно смирению; молитва ее очищается; ум и сердце не увлекаются ничем посторонним, не желают ничего кроме Бога. Чрез молитву всем существом вливается в молящегося сила новой жизни. Дальнейший восход: начало познания об образе неземного бытия.

* * *

Наше земное существование обусловлено временем и пространством. Но что есть ВРЕМЯ? Возможны многообразные определения: время есть «место» нашей встречи с Творцом; время есть процесс актуализации замысла Божия о твари: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин. 3, 17). Творение еще не закончено: «...ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма, а ходящий во тьме не знает, куда идет. Доколе свет с вами, веруйте в свет, да будете сынами света» (Ин. 12, 33–36). Каждому из нас уделено некоторое «свое время»; короткое, но достаточное для обретения спасения. Творческая идея Бога в творении осуществляется: «... у Бога не останется бессильным никакое слово» (Лк. 1, 37). На Голгофе, умирая, Господь сказал: «Совершилось»... Придет другой момент, когда снова будет сказано подобное сему слово; о нем пишется в Апокалипсисе: «И Ангел... поднял руку свою к небу, и клялся Живущим во веки веков... что ВРЕМЕНИ уже не будет» (10, 3–6).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.